РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ

Берестнев Г.И., Федина Е.А.

Структурная относительность концептуальной области любви в функционально немаркированной сфере: русский язык и санскрит

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Россия, Калининград)*

doi: 10.18411/spc-26-03-2019-01

idsp: sciencepublic-26-03-2019-01

Аннотация

В статье впервые системно рассматривается новый и актуальный в настоящее время вопрос об этноспецифичности более сложных по отношению к отдельным концептам содержательным образованиям языка – концептуальным областей. Показано, что структуры концептуальных областей любви в русском языке и санскрите имеют много общего и вместе с тем заметно различаются. В частности, в санскрите эротическая любовь принципиально значима и играет особо важную роль в системе религиозно-философских категорий индуизма. В русском языке эротическая любовь ассоциируется со страданием и рассматривается в профанной сфере скорее негативно. Представленные в статье данные проливают свет на русскую и древнеиндийскую лингвокультурные ментальности.

Ключевые слова: лингвокультурология, русский язык, санскрит, лексика, семантика, концептуальная область, любовь, эрос.

Abstract

The article consistently examines a new topical issue of ethno-specificity of conceptual areas, which are more complex than individual concepts. It is shown that the structures of the conceptual areas of love in the Russian language and Sanskrit have much in common on the one hand; however, they are markedly different on the other. In particular, erotic love is fundamentally significant in Sanskrit playing a particularly important role in the system of religious-philosophical categories of Hinduism. In the Russian language, erotic love is associated with suffering and is viewed negatively in the profane realm. The facts presented in the article shed light on Russian and ancient Indian lingua-cultural mentality.

Key words: Lingvaculture, Russian language, Sanskrit, vocabulary, semantics, conceptual area, love, Eros.

Один из наиболее актуальных вопросов, исследуемых современной лингвистикой, – ключевые слова и концепты того или иного языка. Это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры [см. 2, с. 35]. Специальный интерес в этом плане вызывают этноспецифические слова. Это слова, которые обозначают уникальные для данной культуры реалии или концепты – такие, например, как русские *судьба*, *душа*, *участь*, *смирение*, *тоска*, *авось* или японские *енгуо* (приблизительно ‘межличностная сдержанность’ или *он* (приблизительно ‘долг благодарности’)). Слова такого рода могут открыть исследователям основы культурного мировидения того или иного народа и реальные начала его этнокультурной ментальности. Общая теоретическая установка в этом плане такова: «в языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире и соответствующие языковые

единицы представляют собою “бесценные ключи” (priceless clues) к пониманию этих аспектов культуры» [9, с. 8].

Как представляется, не менее информативны в этом отношении содержательные образования, более общие по сравнению с отдельными концептами, – концептуальные (концептуализированные) области. Это такие области смысла, которые определяются как концептуальные комплексы более высокого порядка, организующиеся вокруг некоторого ключевого концепта языка и культуры (типа «мир», «человек», «небо» и т.п.) [ср. 7, с. 14-15]. Структуры подобных концептуальных областей, рассматриваемые в разных языках в сопоставительном аспекте, а также собственные особенности их составляющих (семантические, стилевые, прагматические) способны в еще большей мере прояснить аспекты мировидения соответствующих народов.

К числу подобных содержательных объектов относится концептуальная область любви. С одной стороны, ее центральный организующий концепт принадлежит одной из самых сложных систем «внутреннего» человека – эмоциям. В деятельности этой системы задействованы практически все остальные системы человека – восприятие, психические и физиологические реакции, интеллект, физические системы и даже речь [см. 1, с. 367].

С другой стороны, любовь играет одну из ключевых ролей в психической и социокультурной жизни человека. Более того, еще в самых ранних мифологических и религиозно-философских системах она была осмыслена как основополагающий принцип бытия, космическая сила, которая строит, сплавивает, движет и соразмеряет самые разные процессы мироздания. Например, в шиваизме акт творения мира представляется как любовное взаимодействие Шивы и его супруги Шакти, которая воплощает собой сексуальную плодотворящую страсть, а на более высоком уровне философской абстракции – творческую силу, благодаря которой бог-супруг манифестирует свои потенциальные качества [4, с. 636].

Установочная база исследований подобного рода определяется тремя исследовательскими принципами. Во-первых, это реконструкция концептуальной области любви в двух отмеченных языках, внешне осуществляемая как группирование слов, выражающих идею любви или непосредственно связанных с этой идеей. Грамматические различия подобных слов должны рассматриваться как несущественные, связанные с несобственно концептуальной семантикой предметности, признаковости или процессуальности. Во-вторых, необходимую методическую установку исследований подобного рода составляет аналитическое рассмотрение семантики выявленных слов в аспекте признаковых, стилевых, прагматических особенностей; в этих условиях должны учитываться ближайшие словообразовательные и этимологические связи таких слов и их исходная мотивация. В-третьих, необходимый этап таких исследований – сопоставление полученных аналитических данных в русском языке и санскрите, интерпретация выявленных таким путем сходств и различий, нацеленная на выявление частных особенностей двух лингвокультурных ментальностей.

Концептуальная область любви в русском языке. В русском языке концептуальную область любви представляют слова *любовь*, *любить* и связанное с ними *любоваться*, *обожать*, *миловать* и *миловаться*, *жалеть* и *жаловать*, *страсть*, *похоть*, *желание*, *вожделение*.

Центральное место в этой группе занимают слова *любовь* / *любить* и отвечающие им концепты. Однако на самом деле эти слова полисемантичны. Согласно Академическому словарю русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, *любовь* – 1. ‘Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.’, ‘Чувство расположения, симпатии к кому-л.’, 2. ‘Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола’,

3. 'Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л.' (*Любовь к свободе*).

Глагол *любить* несколько более сложен в структурно-семантическом плане – у него определяются следующие значения: 1. 'Чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-л., быть преданным кому-, чему-л.' (*Любить мать. Любить своих детей*), 'Испытывать чувство расположения, симпатии к кому-л.', 2. 'Чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола', 3. 'Чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л.' (*Любить искусство*), 'Испытывать удовольствие от созерцания, ощущения чего-л.' (*Люблю тебя, Петра творенье*), 'Иметь пристрастие к чему-л., отдавать предпочтение чему-л.' (*Любит острую пищу*), 'Быть довольным чем-л., чувствовать удовольствие, удовлетворение от чего-л.', 4. 'Нуждаться в каких-л. условиях как наиболее благоприятных (о животных, растениях)' (*Цветы любят воду*).

Заметное семантическое сходство этих слов (при столь же заметных различиях) предполагает выделение их общего семантического инварианта, который может быть описан на основе следующих семантических признаков: «эмоциональное состояние человека» & «положительное» & «при восприятии кого- или чего-либо». Относительно этой смысловой основы выстраивается далее вся концептуальная область любви в русской лингвокультурной ментальности.

И первое, что обращает на себя внимание в плане свойств всей этой области, – широкая ориентированность отмеченного эмоционального состояния. Подобным образом испытывать положительные эмоции можно в отношении другого человека, группы лиц, определенных предметов, событий (выражения типа *Цветы любят воду* являются метафорами человеческих восприятий). Этим условием определяется характер любви. Если она ориентируется на отдельного человека или группу лиц, то отмеченные положительные эмоции мыслятся носителями русского языка в трех аспектах: а) как «любовь-привязанность» (*Мать любит своего ребенка / своих детей*), б) как «любовь-расположение», включающая определенный рациональный компонент (*друзей любят за надежность, верность, отзывчивость и т.д.*), в) как эротическая любовь, которая ориентируется исключительно на отдельного человека и сочетается с любовью-привязанностью (*Я очень люблю эту женщину*). Если любовь ориентирована на предметы или события, то положительные эмоции человек переживает именно при восприятии данных предметов или событий (*Любит груши. Любит сладкое. Любит джаз*).

В русской лингвокультурной ментальности заметную особенность концептуальной зоны эротической любви составляет, далее, отчетливое членение ее на две противопоставляемые друг другу составляющие – «высокого духовного чувства» и «любви-плотского желания». Ср.: *Она возбудила во мне не мгновенную страсть, но глубокое, искреннее чувство, в котором дружба слилась с любовью* (И.С. Тургенев, Бретер). Любовь первого рода связывается с такими семантическими признаками, как «психологическая глубина», «надежность», «постоянство»; она поддерживается вниманием человека к личностным особенностям объекта любви. Любовь второго рода связывается с такими признаками, как «поверхностность», «ситуативность», «импульсивность, непостоянство»; условием такой любви выступает обращенность человека в внешней красоте объекта, увлеченность ею. Первая в русской лингвокультурной ментальности расценивается как благо для человека и одобряется, вторая ассоциируется со страданием, мукой, расценивается как разрушительная сила и порицается.

Выявленная структура концептуальной области любви находит дополнительное подтверждение в этимологических, словообразовательных и системных связях лексики

русского языка. При этом дополнительно определяется и познавательная логика развития данного концепта.

Так, слово *любовь*, восходящее к прасл. *ľubъ, этимологически связано с др.-инд. *ľubhyati* ‘желает’, *ľobhas* ‘жажда’, *ľobhāyati* ‘возбуждает желание’, лат. *lubīdō*, *libīdō* ‘(страстное) желание’ [Фасмер т. II, с. 544] и восходит к и.-е. *leubh-* ‘желать, жаждать’ [10, с. 683]. Можно заключить отсюда, что любовь в индоевропейском лингвокультурном сознании исходно осмыслялась в связи с идеей физиологического желания, пробужденного внешней красотой объекта.

Данный вывод подкрепляется словообразовательными связями слов *любовь* и *любить* со словом *любоваться* ‘рассматривать кого-, что-л. с восхищением, удовольствием’. Однако обозначившаяся в языке связь эмоции любви с актом любования ее объектом показывает и то, что любовь как эмоция фундаментальна в своих когнитивных основаниях. Она концептуально определяется уже на самом первом этапе познавательного освоения эмоций вообще – ср.: «Первопричина эмоции – обычно физическое восприятие или ментальное созерцание некоторого положения вещей» [1, с. 368].

Первоначальное осмысление любви в связи с внешним видом ее объекта и его физиологическим желанием со стороны субъекта показывают и более широкие системные связи русского языка. Так, *милый*, *милая* имеют значение ‘возлюбленный, возлюбленная’, а *миловать* означает ‘нежно, любовно обращаться, ласкать’, *миловаться* – ‘любя, ласкать друг друга’. В этом случае любовь как эмоция также имеет внешнее, физиологическое измерение.

Особой место в структуре концептуальной области любви в русской лингвокультурной традиции занимает слово *жалеть*, одним из значений которого определяется ‘любить’. Ср.:

И нет такой ямы, и нет такой бездны –
Любимый! желанный! жаленный! болезный! (М. Цветаева)

В селах Рязанщины, в селах Смоленщины
Слово «люблю» непривычно для женщины,
Там, бесконечно и верно любя,
Женщина скажет: «Жалею тебя» (Ф. Лаубе).

Это значение определяется и у родственного ему *жаловать* (разг.) ‘любить, быть расположенным к кому-л., оказывать внимание кому-л.’. Однако концептуальная основа у этой любви иная – ее составляют идеи бережного отношения, сострадания, сочувствия. Ср.: *жалеть* ‘беречь, оберегать, щадить’ (МАС); *жалеть* ‘скорбеть, сожалеть, болеть сердцем, сокрушаться о чем, печалиться; щадить, беречь, не давать в обиду’ – *Не жалеет того, кто скачет: жалеет того, кто плачет; жалость, жалба, жаль* ‘сострадание, соболезнование, сочувствие при чужой беде; печаль, грусть, скорбь, сокрушение’ – *Человек жалю живет, Встретил с радостью, а проводил с жалостью, Одна жена плачет от жалости, другая от лести* [5, 1, с. 525].

Наконец, особое подтверждение значимости «высокой любви» в русской лингвокультурной ментальности составляет слово *обожать* – ‘питать к кому-, чему-л. чувство сильной, доходящей до преклонения любви’ (МАС). Употребляясь и в аспекте общей душевной привязанности, и в аспекте эротического чувства, это слово демонстрирует дальнейшее усиление коннотации возвышенности и отнесение объекта такой любви уже непосредственно к сфере сакрального. Ср.: *И Ярцев, и Костя родились в Москве и обожали ее* (А.П. Чехов, Три года). *Николинька любил дядю, но*

любил с чуть заметным оттенком презрения. Пьера же он обожал (Л.Н. Толстой, Война и мир).

Что касается любви-плотского желания, то она обозначается в русском языке словами *страсть*, *похоть*, *желание*, *вожделение* и их производными. При этом *вожделение* является старославянским заимствованием **ВЪЗ-** и **ЖЕЛЪТИ** ‘желать’, а слово *похоть* непосредственными словообразовательными отношениями связано с *похотеть* и собственно *хотеть* с тем же значением желания.

Более информативно в плане мотивирующих оснований любви-плотского желания слово *страсть*. В Академическом словаре современного русского языка его значение определяется так: ‘сильная любовь с преобладанием чувственного влечения’, причем страсть противопоставляется любви – ср.: *Нет, это не любовь, это страсть безумная, это пожар, в котором я весь горю* (Гаршин, Надежда Николаевна). Однако в словаре В.И. Даля первым значением этого слова указывается ‘страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска’, но вместе с тем ‘душевный порыв к чему, нравственная жажда, жаданье, алчба, безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье’ [4, IV, с. 336]. Все это означает, что эротическая любовь-страсть осмыслялась носителями русского языка как необузданное, не поддающееся разумному контролю влечение, которое самим субъектом (а возможно, и внешним наблюдателем) осмыслялось метонимически как муки, страдания.

Концептуальная область любви в санскрите. В санскрите отмечаются около 30 существительных, в семантической структуре которых имеются значение ‘любовь’ и примерно 22 глагола с общим значением ‘любить’. Уже это обстоятельство говорит о весьма подробной содержательной проработанности соответствующей концептуальной области в древнеиндийском лингвокультурном сознании.

Исходно все существительные с указанной семантикой делятся на две основные группы: а) обозначающие любовь сакральную, осмысляемую в религиозном аспекте; б) обозначающие любовь профанную, представляемую в различных бытовых аспектах. Однако строго очерченной границы между этими двумя видами любви в древнеиндийском лингвокультурном сознании нет. Любовь сама по себе мыслится как нечто сакральное, святыня особого рода.

В целом религиозная любовь в древнеиндийской лингвокультурной ментальности – предмет особого разговора. Она зависит от религиозной доктрины, в которой мыслится, но неизменно изысканна, обусловлена самыми неожиданными факторами, имеет порой фантастические реализации и вместе с тем чрезвычайно глубока, обеспечена сердечной преданностью человека объекту любви, ориентирована на его духовную сферу и особо значима для ее эволюции. Такая любовь занимает ведущее место в древнеиндийском лингвокультурном сознании.

В данной работе будет рассмотрена любовь, понимаемая прежде всего в профанном, обыденном аспекте. Но, как отмечалось выше, она не всегда четко отделена от любви сакральной, поскольку любовь богов в высших сферах и любовь человека к Богу для носителя санскрита во многом повторяет логику мирской любви на земле.

Как представляется, центральное место в группе слов со значением ‘любовь’ в санскрите занимает слово कृष्ण (kṛṣṇa), одно из основных значений которого – ‘любовь (в чувственном, эротическом аспекте)’. Данное утверждение подкрепляется тем фактом, что именно о такой любви говорится в самых ранних известных текстах Вед. В частности в 129 гимне X книги Ригведы (XI-X вв. до н.э.) процесс сотворения всего сущего описывается с категориальных позиций близкого и понятного человеку эротизма – как самосуший, спонтанно возникший жар вожделения, имеющего результатом семя, которое породило мир как идею. Ср.:

□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□ □□□□ □□□□□ □□□□□□ |
 □□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□ ||

kāmas tad agre sam avartatādhi manaso retaḥ prathamam yad āsīt |
 sato bandhum asati nir avindan hr̥di pratīśy kavayo manṣīṣā || [11]

Thereafter rose Desire in the beginning, Desire the primal seed and germ of Spirit,
 Sages who searched with their heart's thought discovered the existent's kinship in the
 non-existent.

Непосредственными словообразовательными отношениями со словом слово □□□ (kāma) связано □□□□□□ (abhikāma) – abhi+kama ‘склонность, симпатия; любовь’. Его первая часть □□□ (abhī-) восходит к и.-евр. *Hab^h- со значением ‘вокруг, окольный’ (ср. производное от него лат. *amb-*, *ambi-* – приставку со значением ‘кругом, вокруг, около’) и образует в отношении указанного слова в целом значение «в направлении любви», «почти-любовь», буквальное для слова □□□□□□ (abhikāma) и сохраняющее связь с идеей эроса.

Дополнительное, типологически значимое подтверждение концептуализации любви как эротического чувства составляет глагол □□□ (vaś), в семантической структуре которого отмечается значения ‘любить’, ‘хотеть, страстно желать’ и ‘домогаться’, которое показывает понимание человеком страстного желания в деятельности с сфере как настоятельное стремление к его осуществлению.

Концептуально близким словам □□□ (kāma) ‘эротическая, чувственная любовь’ и □□□ (vaś) ‘страстно любить’ и ‘домогаться’, обнаруживающим дополнительные идейные основания такой любви является слово □□□□□□ (śṛṅ-gāra ← śṛṅ-ga + āra) также с общей семантикой эротической любви, вызываемой внешними факторами – именно внешним видом объекта, его нарядностью. На это указывают и грамматика этого слова, и его семантическая структура. В частности, как существительное оно выражает значения ‘убор, наряд’, ‘любовь’, а в поэтическом дискурсе – собственно ‘эротика’; как прилагательное – ‘страстный, пылкий’ и ‘нарядный, красивый’. Более определенно эротическая семантика этого слова просматривается при его рассмотрении в аспекте словообразовательной структуры. Элемент -āra в его составе с семантикой продолговатости и твердости определяет и общее значение слова □□□□□□ (śṛṅgāra) как ‘сексуальная страсть, желание’, ‘сексуальное наслаждение’, а метонимически – ‘платье, подходящее для любовных целей’ (а затем и просто ‘элегантное платье’) и ‘эротическое чувство’.

Если в слове □□□□□□ (śṛṅgāra) обозначилась идеология эротического чувства, рождаемого видом красивой одежды, нарядности человека, то слово □□□ (gāga) закрепило другую логику эроса. Страстная любовь рождается, если объект любви (женщина) внешне украшен и имеет красивое, «нарядное» лицо. На это указывает семантика данного слова, реализующаяся в двух направлениях: с одной стороны, это ‘любовь, склонность к кому-л., чему-л.’ и ‘страсть’, а с другой – ‘украшение’, ‘краска’, ‘краснота’.

Допустив, далее, что данное слово связано с формально тождественным ему □□□ (gāga), называющим особую мелодическую модель в индийской музыке и в более общем плане ориентированным на концепцию высокой гармонии, отчетливо проявляющейся в сферах музыкальной эстетики и этики, можно сделать вывод о «музыкальности» такой любви, ее соответствии более общим эстетическим концепциям древнеиндийского лингвокультурного сознания.

Важно отметить, что выявленная идеология слова गङ्गा (gāga) поддерживается и содержанием родственного ему глагола अनुज (anuj), в семантической структуре которого отмечается значение ‘любить’ и ‘окрашиваться’, ‘становиться красным’, которые сводятся в логическое целое значением ‘быть восхищённым’.

Отдельной зоной в концептуальной области любви в санскрите определяется любовь, осмысляемая метонимически на основе чувств, которые переживаются любящим человеком. Эти чувства поддаются определенной градации по силе, интенсивности. Сначала это общее положительное восприятие объекта любви, рождающее в связи с ним переживание радости – эта семантика выражается словом सम्प्रति (saṃprīti), в семантической структуре которого отмечаются значения ‘любовь к’, ‘хорошее отношение’ и ‘радость, веселье’. Важно отметить при этом, что такая любовь оказывается вне непосредственной концептуальной связи с идеей эроса. Так, вторая часть приведенного сложного слова – प्रति (prīti) имеет собственное значение ‘привязанность, чувство сильной любви или привязанности’, которое в своей мотивации проявляется другими его значениями – ‘доброжелательность, доброта, одолжение, дружелюбие’ и ‘радость, удовлетворение (например, от сделанного дела)’. Иными словами, речь в данном случае идет вообще о психологическом комфорте человека и обусловленном им положительном отношении к объекту любви.

Далее концептуально определяется более «сильная» любовь как особое внешнее проявление связанных с ней эмоций – семантика такого рода выражается словом वल्लभा (vāllabhya) со значениями ‘любовь’ и ‘нежность’.

Так же как в русском языке, в санскрите концептуальная область любви включает зону любви-дружбы, очень хорошего расположения одного человека к другому, их сердечной близости. Это показывает слово सौहृद (sauhrda), в семантической структуре которого определяются значения ‘дружеский’, ‘друг’, ‘дружба с кем-л.’, но вместе с тем и ‘любовь к’.

Данная идеология типологически подкрепляется словом स्नेहा (sneha), в семантической структуре которого имеются все те же значения ‘склонность, привязанность’, ‘дружба с’, ‘расположение, любовь к’, но вместе с тем отмечаются конкретные по своему характеру значения с семантической основой ‘клейкость, липкость’, ‘клей’, ‘масло; жир’. Этот же семантический прототип «прикрепления-приклеивания» выражает родственный этому слову глагол स्निह (snih), одно из значений которого – ‘любить’, но вместе с тем ‘быть клейким, липким’, ‘чувствовать склонность к кому-л., чему-л.’, ‘становиться преданным, верным кому-л.’, ‘сосредоточивать взгляд на чём-л.’.

Как представляется, к этой же зоне можно отнести слово प्रेम (prema), в семантическую структуру которого входят значения ‘любовь’ и вместе с тем ‘доброта к кому-л.’, понимаемая как активное, поддержанное положительными действиями расположение к кому-либо.

Идейно близким рус. *жалеть*, представляющим в концептуальной области любви русского языка зону бережности, сострадания, сочувствия является и санскр. दाय (dayā), в семантической структуре которого отмечаются значения ‘сострадание, жалость к кому-л., милосердие’ и ‘любовь’. Данное слово на первый взгляд принадлежит профанной сфере: человек может испытывать чувство сострадания к другому в своей обыденной жизни. Но оно одновременно связано и со сферой религиозного сознания человека. Еще индийский поэт Шри Госвами Тулсидас (1532-1624) отметил, что दाय (dayā) ‘сострадание, жалость’ составляет корень религии. Пока сострадание, милосердие живут в сердце человека, писал он, в нем живет и религиозное чувство, но при отсутствии сострадания в нем нет места и религиозному чувству.

Сходные установки отмечаются и в христианстве. Однако если в концепции Шри Госвами Тулсидаса жалость к другим людям, сострадание составляет необходимый фактор религиозного чувства вообще, в философии христианства это чувство определяется как обретаемая нравственная черта каждого отдельного человека, составляющая условие спасения его души. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут», – учил Иисус в своей нагорной проповеди (Мф 5.7). Об этом же постоянно напоминали апостолы в своих посланиях: «Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно...» (Кол. 3.12); «Наконец, будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры» (1 Петр. 3.8).

Аналогично русскому языку санскрит обнаруживает в концептуальной области любви достаточно отчетливо очерченную зону любви-расположения. Она представляется словами वल्लभता (vallabhatā) 'любовь', 'благосклонность' и जुष्टि (juṣṭi) 'любовь', 'любезность, милость'. При этом первое слово связано ближайшими словообразовательными отношениями с वल्लभ्या (vāllabhya) со значениями 'любовь' и 'нежность', входящим в зону эмоционального переживания любви. Это говорит о том, что идея «благосклонности» осмыслялась лицами, принадлежащими древнеиндийской культуре, также в связи с положительным эмоциональным переживанием. Второе же слово связывается словообразовательными отношениями с глаголом जुष (juṣ), значения которого – 'любить', но также 'восхищаться', 'наслаждаться', соотносящимися с общей идеей восприятия и эмоциональной реакции на вызывающий чувство любви объект.

В составе концептуальной области любви в санскрите должна быть особо отмечена зона, представляемая словом सान्मुख्या (sānmukhya). Выражаемое этим словом значение 'благосклонность или любовь к кому-л.' соотносит его с зоной «любви-расположения»; значение 'забота о' связывает его зоной «любви-бережности» и «любви-сострадания». Но наличие у него значения 'состояние находящегося лицом к лицу' предполагает в акте осмысления любви человеком, принадлежащим древнеиндийской лингвокультурной традиции, актуальность фактора пространственной близости. Благосклонность, расположение к кому-либо и любовь к этому объекту возникает, согласно этой логике, при самом непосредственном общении с ним. Исходя из этого, собственно, и можно говорить о зоне пространственной близости в концептуальной области любви в санскрите.

Подобные сходства в семантической структуре концептуальной области любви в русском языке и в санскрите имеют и не столь отчетливый характер. Так, в санскрите вполне определенно выделяется концептуальная область любви как предпочтения – ср.: वर (var) 'любить кого-л., что-л.' и вместе с тем 'выбирать, отбирать', 'предпочитать чему-л., кому-л.', откуда далее еще более определенное семантически वारय (vāray) 'любить', 'брать в жёны' и 'выбирать, отбирать что-л.'. Эта идеология любви как предпочтения выражается и в русском языке, но в иных грамматических условиях. Ее демонстрирует семантический потенциал слова *любимый*, значениями которого определяются 'предпочитаемый всем остальным' (*любимые песни, любимая еда, любимая женщина*) и в значении существительного собственно 'тот (та), кого любят, возлюбленный, возлюбленная' (МАС II, с. 208).

Имеющиеся в санскрите другие лексические примеры подобного рода так или иначе отвечают своей семантикой выявленной структуре концептуальной области любви. Различия проявляются лишь в особенностях частных связей между выражаемыми таким путем смыслами. Так, глагол लुभ (lubh) со значением 'любить' другими своими смыслами 'жаждать чего-л.', 'заманивать, завлекать', 'соблазнять на

что-л.', как представляется, выходит непосредственно на идею эротической любви, а значениями 'быть заинтересованным в чем-л.' и 'стремиться к чему-л.' – на идею любви-расположения или любви-склонности. Глагол वान् (van), с одной стороны, имеет значения 'любить' и 'нравиться', соотносимые с зоной чувственности, с другой – значения 'стремится к чему-л.', 'получать', 'владеть, обладать чем-л.'.

Вместе с тем санскрит обнаруживает такие лексические примеры, которые показывают чрезвычайно подробное и глубокое – практически лежащее на грани философского – осмысление чувства любви человеком, порой с трудом поддающееся диахроническому анализу. Таково, например, существительное भवा (bhāva), в семантической структуре которого определяются около тринадцати значений. И если логика связи выражаемого им значения 'любовь' и значений 'чувство', а на этой основе 'характер, нрав' и 'склонность к пристрастию', или 'вера, доверие' и его последующие дериваты 'разумный человек' и 'достойный господин (при обращении в драме)', то логика таких значений этого слова, как 'становление; возникновение', 'переход', 'существование, бытие', 'вещь', 'смысл, значение', 'взгляд', скорее всего, проявляется в идеальной сфере и отражает религиозно-философские представления о становлении всего сущего.

Определяющаяся таким путем концептуальная связь любви и идеального в концептосфере санскрита вполне отчетливо поддерживается производным предыдущего слова मानो-भवा (mano-bhava), с одной стороны, выражающим значения 'любовь', 'чувство, эмоция', а с другой – обращенное в своей семантике к сфере идеального в значениях 'возникающий в мыслях', 'воображаемый'.

Достаточно легко реконструируется исходный семантический инвариант у глагола स्मि (smi) со значениями 'любить' и 'презирать'. При наличии такого рода отношений (в данном случае – энантиосемических) исходное семантическое состояние слова определяется как общее для имеющихся у него значений, «то есть теоретико-множественное пересечение семантических дифференциальных признаков» [3, с. ХС]. В данном случае такой инвариант имеет вид «сильное психологическое переживание», что отвечает общей структуре концептуальной области любви в санскрите.

Итак, какие выводы более общего порядка позволяет сделать осуществленный анализ структурных особенностей двух концептуальных областей любви – в русском языке и в санскрите?

Первое, что должно быть отмечено, – их значительное структурно-семантическое сходство при столь же заметных различиях. И в той и в другой лингвокультурных традициях любовь мыслится в достаточно широком содержательном диапазоне – от принципиально эротического чувства, предполагающего обладание объектом любви, до «любви-дружбы» и «любви-предпочтения». Это сходство, скорее всего, обусловлено общей генетической близостью русского языка и санскрита.

Вместе с тем в концептосфере санскрита эротическая любовь занимает принципиально иное, более важное место по сравнению с концептосферой русского языка. В древнеиндийском лингвокультурном сознании эрос гораздо более значим и философски рассматривался как основа и предпосылка бытия вообще. В связи с этим еще в древнеиндийской культурной традиции сложился целый ряд религиозных концепций и ритуальных практик, актуальных и до настоящего времени. В лингвокультурном же сознании носителей русского языка эротическое чувство занимает принципиально иное место – оно соотносится со страданием и оценивается отрицательно. Само понимание женской красоты связалось с «колдовским» воздействием женщины на мужчину (ср. очаровательная / обаятельная женщина) и

заслонились практическими жизненными установками (ср.: *Красота приглядится, а щипы не прихлебаются*).

Наконец, можно отметить и то, что высокая значимость любви как для древнеиндийского религиозного сознания, так и для русского православия и одновременно принципиальное различие этой любви в двух отмеченных мирозерцательных традициях определяет перспективу дальнейших исследований в этом направлении как ближайшую.

***

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
  2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
  3. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Издат-во Тбилисского университета, 1984. – 1328 с. b
  4. Гринцер П.А. Шакти // Мифы народов мира. Т. 2. – М.: Советская Энциклопедия, 1992. С. 636.
  5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (любое издание).
  6. Санскрито-русский / русско-санскритский словарь онлайн - <http://www.learnsanskrit.ru/> (дата доступа 26.02.2019).
  7. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М.: Наука, 1993. – 158 с.
  8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. – М.: Издат-во «Прогресс», 1964-1973.
  9. Шмелев А.Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры? // Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 7-11.
  10. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches wörterbuch. I Band. Tübingen und Basel, A. Francke Verlag, 2005.
  11. Rigveda-Finder - <http://www.sanskritweb.net/rigveda/rvfinder.pdf> (accessed 18.02.2019)
-